

НАДГРОБИЕ ЗАКАВКАЗСКИХ ДУХОБОРЦЕВ В РЕЛИГИОЗНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ИНИКОВА

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация,
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** Надгробие, являясь материализованной памятью об умершем человеке, несет информацию о нем и обо всем сообществе, к которому он принадлежал. В секте духоборцев, которой посвящена статья, представления о надгробии являлись прямым отражением ее учения и тех изменений, которые происходили в сообществе в течение 170 лет проживания в Закавказье. Духоборцы являлись последователями учения о внутренней церкви и отрицали поклонение всему материальному, они верили в воскрешение духом, а не плотью, отказались от почитания захоронений и материального увековечивания памяти покойных. Секуляризация религиозного сознания и забвение своего учения, изменения в организационно-религиозной структуре секты и ее экономическое расслоение стали теми причинами, которые лежали в основе процесса трансформации этих представлений и изменения внешнего вида надгробий. Духоборческое надгробие прошло путь от необработанного камня, положенного около изголовья могилы, являвшегося конфессиональным символом погребения, до монументального памятника, лишённого религиозного содержания, подверженного моде и амбициям родственников умершего. Духоборческое надгробие впервые стало предметом исследования. В основу работы положены полевые материалы автора, в том числе обследования духоборческих кладбищ, произведенные автором за период с 1988 по 2015 г. в Грузии и Азербайджане.*

***Ключевые слова:** духоборцы, религиозное учение, похоронный обряд, надгробие.*

***Дата поступления статьи:** 29 марта 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 июня 2019 г.*

***Для цитирования:** Иникова С. А. Надгробие закавказских духоборцев в религиозном и историческом контексте // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 113–122.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.2.009*

Надгробие — это память о человеке, ушедшем в мир иной, зафиксированная в видимом материальном объекте. Это идентификационный знак, который несет в большем или меньшем объеме информацию о пребывании покойного на земле: имени, датах жизни, часто — социальном статусе. Вместе с тем оно является символом вероисповедной принадлежности человека, а в часто встречающихся представлениях русских православных и ста-

рообрядцев надгробие это еще и звено, связующее земную жизнь с жизнью вечной, потому что в Судный день мертвые встанут из могил и первым делом перекрестятся на стоящий в ногах крест или возьмут его и пойдут с ним на Страшный суд. Надгробие имеет и чисто утилитарное значение: оно отмечает место захоронения, чтобы никто не использовал его в неподобающих целях. Для верующих людей представления о надгробии: его симво-

лике, функциональной роли и внешнем виде — продиктованы прежде всего религиозным учением, для неверующих — сложившейся традицией, но без религиозной составляющей, государственной идеологии или эстетическими запросами эпохи. Представления верующих о надгробии отражают изменения в религиозной доктрине, а само соответствие этих представлений вероучению позволяет судить об уровне религиозности всего сообщества и глубине религиозного чувства каждого. Все указанное попытаемся рассмотреть на примере закавказских духоборцев¹.

До начала XIX в., когда духоборцы жили среди православных, они скрывали свою принадлежность к секте и были вынуждены совершать общепринятый похоронный обряд [Некоторые черты 1896, 266] и, очевидно, ставить на могилах кресты или, как показали на следствии в 1803 г. тамбовские духоборцы, закапывать умерших «в своих домах и других местах, кто где захочет» [ГАТО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–106.]. После царских указов 1802 и 1804 гг., позволивших духоборцам компактно поселиться в девяти селениях в Таврической губернии, они получили возможность свободно совершать свои обряды. Автор записки «Некоторые черты об обществе духоборцев», побывавший у них, писал в 1805 г., что усопших они поминают только добрыми делами, а другого поминовения не творят, говорят, что «праведных сам Господь помянет во царствии Своем», и не молятся за них, считая это бесполезным [Некоторые черты 1896, 266]. При таком отношении к поминанию покойных вряд ли духоборцы старались увековечить их память надгробиями.

В 1841–1845 гг. за отказ перейти в православие 5 тысяч духоборцев были переселены в Закавказье, в Грузино-Имеретинскую

губернию². Несмотря на то что похоронно-поминальный обряд закавказских духоборцев на рубеже XIX и XX вв. в общих чертах был зафиксирован В. Д. Бонч-Бруевичем (псевдоним — Ольховский), вопрос о надгробиях им не затрагивался [Ольховский 1905]. Спустя десятилетие Бонч-Бруевич кратко описал конструкцию памятников, установленных над могилами духоборческих руководителей, похороненных на отдельном кладбище — *могилочках* [РО РГБ. Ф. 369. К. 39. Д. 15. Л. 34–39]. Эти скудные сведения мало что дают для раскрытия темы, поэтому в основу работы положены экспедиционные материалы, собранные в местах расселения потомков закавказских духоборцев в Грузии и Азербайджане за период 1988–2015 гг.

Учение секты духоборцев — это отголосок реформационных идей Западной Европы. Традиционная южнорусская культура, носителями которой первоначально являлось большинство духоборцев, была адаптирована в их среде под эти идеи, а некоторые ее элементы были настолько сильно трансформированы, что получили новое оригинальное звучание. Поскольку духоборцы вышли из православной среды, то, естественно, в их духовной культуре были заимствования из православия, однако они брали внешнюю форму или образ, наполняя их совершенно неправославным содержанием. При формировании похоронной обрядности таким эталонным образом для духоборцев стали смерть, захоронение и воскресение Иисуса Христа, которые они трактовали в соответствии со своим учением.

Духоборцы — поборники учения о внутренней церкви — отрицали всё рукотворное в культовой практике. Мертвые в символическом смысле — это не знающие света (т.е. Бога) люди. Физически умершие, но

¹ Секта духоборцев протестантского направления возникла в начале XVIII в., а возможно ранее, и состояла преимущественно из свободных крестьян (однодворцев, государственных крестьян) и казаков — русских по этнической принадлежности, но в нее входили также малороссияне и небольшая группа мордвы из ясашных крестьян Тамбовской губернии.

² Уже в 1846 г., т.е. через год, как закончилось переселение духоборцев в Закавказье, Грузино-Имеретинская губерния была упразднена. В связи с несколькими административно-территориальными делениями духоборцы, проживая на одном месте, оказывались в разных губерниях и уездах. С начала 1870-х гг. они жили в Ахалкалакском и Борчалинском уездах Тифлисской губернии и Елизаветпольском уезде одноименной губернии. В советское время и до массового выезда в РФ, начавшегося в 1989 г. и продолжавшегося до 2008 г., духоборцы жили в Богдановском (ныне — Ниноцминдском) и Дманисском районах Грузии, в Кедабекском районе Азербайджана. В 2015 г. большинство закавказских духоборцев — 119 человек (вместе с детьми от смешанных браков) — проживали в с. Гореловка Ниноцминдского района Грузии.

знающие Бога духоборцы, по их учению, воскреснут для жизни вечной духом и никакого воскрешения плотью не будет. Два дня после смерти душа пребывает в теле покойного и покидает его перед захоронением, когда процессия подходит к кладбищу [Иникова 2018, 328–334]. Поэтому поминали и поминают покойного через 40 дней после похорон, а не после смерти (т.е. на 42-й день после смерти). В соответствии с этим строилась похоронно-поминальная обрядность и решался вопрос о могиле и надгробии.

Еще в 1988 г. старик-духоборец из с. Гореловка — бывшего духовного и административного центра закавказской Духобории, — со слов своего деда, рассказывал, что пришедшие в Закавказье духоборцы клали около изголовья могилы простой необработанный камень, чтобы отметить место. Могильный холмик не укрепляли, с тем чтобы со временем, когда не останется людей, кому покойный был дорог, исчезла и его могила. Плоть должна стать землей, и неправильно ходить на могилу и оплакивать тлен. И духоборцы не ходили на кладбище на родительские субботы, на Пасху, Радоницу или Троицу. Только когда хоронили односельчанина или родственника, после окончания похорон присутствовавшие подходили к могилам своих близких. Эта концепция вполне соответствовала духоборческому учению.

Камни у изголовья могил духоборцы ставили в Закавказье повсеместно во всех местах расселения. Очевидно, эту практику они привезли из Таврии. Использование камней в похоронном ритуале вообще характерно для славянской традиции и имеет глубокие языческие корни [Зеленин 1991, 350; Левкиевская, Толстая 1999, 451; Листова 2014, 144–145]. Камни оставляли на могилах в разных губерниях России, и местами этот обычай бытовал до конца 1960-х гг. Комментарии информантов, которые приходилось слышать в Рязанской и Тамбовской областях, иногда вполне вписывались в рамки христианского учения: кто-то видел в камне, лежащем на могиле, символ горы Голгофы, а кто-то считал его напоминанием о том камне, которым закрыли вход в Гроб Господень [Кремлёва 2009, 190, 214, прим. 83; ПМА Тамбовская обл. 1993 г.; Рязанская обл. 2002–2008 гг.].

Большая часть духоборцев были выходцами из Тамбовской губернии, где

существовала эта традиция. Очевидно, они заимствовали ее, но осмыслили в соответствии со своим учением. Если исходить из высказываний наших собеседников разных возрастов, камень выполнял скромную утилитарную функцию — всего лишь отмечал место захоронения. Однако есть основания предполагать, что изначально в этот обычай духоборцы вкладывали глубокий религиозный смысл. В их псалмах, где упоминается о захоронении Иисуса Христа, тело погребают в земле, а сверху кладут камень или камни: «<...> *девяти сажень гроб в землю вложен же. На том гробе превеликий камень лежит, на том камне свят-ангел сидит*»; или тело Христа положили «*в гробницу, землей погребали, камнями увалили*» (завалили). В догматическом вопросе-ответном псалме на вопрос: «*Что есть камень?*» следовал ответ: «*Камень есть Христос*» [Животная книга 1909, 255, 275, 47]. Эта метафора заимствована из текстов Нового Завета [1 Петр. 2, 4; 1 Кор. 10, 4; Еф. 2, 20]. Скорее всего, необработанный камень, лежащий у изголовья, изначально воспринимался духоборцами как символ христианского погребения.

Старые могилы второй половины XIX в. на духоборческих кладбищах Ниноцминдского района Грузии можно легко принять за остатки муравейников или кочки, но встречаются и проваленные захоронения, которые выглядят как углубления в земле. Возможно, эти последние являются наиболее ранними, когда у духоборцев еще не было принято досыпать осевшую землю, хотя нельзя исключить и того, что одни могилы (а их делали с плечиками) перекрывали каменными плитами, а другие — досками, которые сгнивали, и земля сильно проседала. Со временем могилы стали подправлять: досыпать землю и обкладывать вырезанными из дерна кирпичами, еще позже — укладывать по периметру под дерн камни. Проведенные в 2014 г. обследования кладбищ показали, что с торцовой стороны ранних могил лежат необработанные камни разной формы.

На духоборческих кладбищах в Таврической губернии стояли большие дикие валуны с небрежно выбитой надписью. Один из них, пострадавший от времени, с многочисленными сколами, ныне находится в Мелитопольском краеведческом музее. Надпись на нем гласит: «*Вечная*

память родителям праведных именованные духоборцы погребенные [с]пасали и спасаем души кротостью и смирением [лю]бовию было угодно Богу [и го]сударь собрать нас [на о]битованную землю [в] Таврическую губ.».

На кладбищах всех духоборческих селений в Закавказье в конце 1860-х гг. тоже были поставлены общие кладбищенские памятники [РО РГБ. Ф. 369. К. 39. Д. 15. Л. 41]³, но это уже были аккуратно вытесанные из камня плиты с надписью: «Вечная Память погребенных именованных духоборцев и покланяемых аицу и сыну и святому духу спасали и спасаем души свои кротостью и смирением, любовью правды ради было угодно богу и государю собрать нас на обетованную землю в Таврическую губернию в 1805 году а в 1841 году переселены Закавказ Кутаисской губернии селение Ефремовка и кто сию повесть чувствовать ни должен потерять сие дело». В надписях менялось только название селения и год переселения в Закавказье, и если не считать незначительных расхождений в порядке и написании слов, то текст на всех памятниках идентичен. Возможно, этими плитами заменили ранее уже стоявшие там необработанные валуны с надписями. Преемственность таврических и закавказских кладбищенских памятников не вызывает сомнения.

Текст на коллективных памятниках в Закавказье сообщал, кто такие духоборцы, в чем суть их учения и жизни, напоминал о двух тяжелых переселениях — сначала в Таврию, а потом в Закавказье. И хотя такие памятники увековечивали память ушедших духоборцев, но обращены они были к потомкам с призывом не потерять дело, ради которого страдали предки.

Идеальное духоборческое кладбище должно было выглядеть как поле

с безмолвными, безликими камнями около оплывших холмиков, не поправляемых заботливой рукой, и с одним общим на всех почивших памятником.

Предположительно в 1860-е гг. на духоборческих кладбищах появляются единичные могилы с надгробиями⁴. В 1870-е гг. надгробий становится значительно больше, и хотя их все еще можно отнести к исключениям из правила, они озаменовали становление новой тенденции. Массовый характер установка надгробий приобретает в 1880-е гг. Базальтовые или туфовые плиты имели различную форму — прямоугольные или с треугольным верхом, иногда овальные — и демонстрировали отсутствие фантазии и старательности у мастеров, которыми были сами же духоборцы. Иногда на надгробиях по краю плиты высекали незатейливый узор. Надпись начиналась указанием вероисповедной принадлежности покойного: «Секты духоборской...», «Кончина духоборца...» — и содержала его имя, отчество, фамилию и дату смерти. В 1880-е гг. на памятниках стала появляться надпись: «Вечная память духоборцу...» или: «Вечная память и кончина духоборца...», и постепенно число надгробий с такими надписями росло.

На надгробиях вплоть до 1930-х гг. редко встречаются даты рождения, иногда указывалось количество прожитых лет. Закавказские духоборцы только в конце XIX в. начали регистрировать рождение, браки и смерти, и отсутствие даты появления на свет можно было бы объяснить незнанием ее, но в соответствии с их учением и практикой она никакого значения не имела. О появившемся в семье ребенке говорили «нашелся», а слово «родился» означало рождение духовное, когда ребенок начинал заучивать маленькие

³ В. Д. Бонч-Бруевич, побывавший у закавказских духоборцев в 1910 г., с их слов установку общего надгробия в некрополе вождей датировал 1868 или 1869 г. Скорее всего, в эти годы были поставлены памятники-плиты на всех духоборческих сельских кладбищах.

⁴ На нескольких самых ранних обнаруженных надгробиях указана дата смерти — 1863 г. Одно из них в виде каменной плиты стоит на могиле выдающегося духоборца Гаврилы Сорокина. Он был похоронен не на общем кладбище, а на территории некрополя, где хоронили вождей, ближайших членов их семей и выдающихся духоборцев, оказавших особые услуги всему сообществу. Однако нет уверенности, что памятник был поставлен сразу после смерти Сорокина. На кладбище с. Калинино (бывш. Троицкое) стоит памятник Леону Юрицину. Рядом с его захоронением расположена могила его сына Николая, умершего в 1885 г. Оба памятника сделаны в виде стелы из одинакового привозного камня, так что оба могли быть поставлены одновременно после смерти Николая Юрицина в 1885 г. На некоторых старых надгробиях надпись не читается, поэтому нельзя с полной уверенностью говорить о времени их появления.

псаломчики и через молитву познавал Бога. «Плотских родителей» дети не называли отцом и матерью, поскольку слово «отец» относилось только к Богу⁵. Еще в 1988 г. духоборка села Тамбовка (Богдановский район Грузии), известная своей религиозностью и преданностью духоборчеству, в категорической форме отказалась назвать свой год рождения, заявив, что знать его им (духоборцам) и другим не велено. Появление индивидуальных надгробий свидетельствовало об отходе от вероучения секты, о начавшемся разрушении похоронного обряда.

Однако камень у изголовья могилы, несмотря на появление надгробия, не исчез из духоборческой похоронной традиции. Его по-прежнему клали сразу после похорон, а когда на могиле устанавливали надгробие (это происходило примерно через год), камень заслоняли плитой, отодвигая немного в глубь могильного холма или сдвигая в сторону.

В первой половине XX в. у духоборцев, живших в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии и Елизаветпольском уезде Елизаветпольской губернии, камни претерпели существенное изменение: на них стали высекать или выцарапывать инициалы покойных, т.е. камень превратился в индивидуальный идентификационный знак, хотя и не такой информативный, как надгробие.

Процесс индивидуализации могил, шедший вразрез с учением секты, отразил падение религиозности и размывание духоборческих устоев. Признаки упадка религиозности в среде духоборцев стали заметны еще в Таврии, но переселение, отсеяв малочисленных, на некоторое время сплотило секту, закалило ее и дало мощный духовный стимул, притом что на долю переселенцев выпали большие физические и материальные тяготы. Стержнем, вокруг которого вращалась вся жизнь секты, был их руководитель из династии Калмыковых, в плоти которого, по убеждению духоборцев, пребывал Сын Божий. В Закавказье безвременно умерли законные вожди отец и сын Ларион и Петр Калмыковы. За отсутствием наследника мужского пола 22 года (1864–1886) Духоборией управляла

жена Петра Калмыкова Лукерья. Это был спокойный и благополучный период в истории секты, и религиозный энтузиазм, убаюканный благополучием, потихоньку иссякал. После смерти бездетной Лукерьи о своем праве на власть заявил ее фаворит Петр Веригин. В секте произошел раскол, и подавляющее большинство духоборцев пошло за Веригиным, который из ссылки начал проповедовать специфически понятое им толстовство. После сожжения его сторонниками оружия в 1895 г. в знак протеста против насилия и войны и последовавших за этим репрессий со стороны властей 7,5 тысячи наиболее последовательных веригинцев выехали в Канаду. Небольшая часть духоборцев — жители Гореловки — осталась при старом учении. Меньше последовательные сторонники Веригина, не решившиеся идти до конца и оставшиеся в Закавказье, потеряли старое духоборчество, а нового не приобрели. И все вместе закавказские духоборцы остались без руководителя.

Секта оказалась очень уязвимой в религиозном отношении из-за специфического способа хранения учения. Оно было изложено в псалмах, которые все сообщество хранило в памяти, и когда жители каждого селения собирались на моление, то складывалась вся Животная книга. Однако толковать псалмы, имевшие двойной смысл, могли только приближенные к вождю старички. Они же следили за исполнением заветов «святых и праведных родителей». Переселения, расколы и отсутствие жесткой руки властелина — всё это нанесло сильный удар по сохранности и трансляции вероучения.

Религиозный упадок был связан и с экономическим обогащением секты, которое началось приблизительно с 1860-х гг., когда духоборцы заняли прочные позиции среди местных народов и получили от закавказской администрации экономические преимущества. Особенно духоборцы разбогатели на транспортировке военных грузов в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И в этих условиях неизбежно проявилось стремление некоторых из них к самостоятельности и независимости

⁵ В псалмах встречаются слова «отец», «мать», «родители», но в повседневной жизни их не употребляли. Отца называли по имени, а мать — няней. В псалмах на вопрос: «Кто тебя родил?» следовал ответ: «Родила вера, воспитала надежда, любовь к Богу привела» или: «А кто тебя родил?» — «Бог» [Животная книга 1909, 28, 64].

от жесткого соционормативного контроля секты. Для деноминаций протестантского типа, где труд возведен в догмат, а богатство рассматривается как заслуженная награда, характерны постоянные поиски компромисса между индивидуализмом и коллективизмом. Одинаковые обряды, костюмы, быт, одинаковые безликие могилы и один на всех памятник на кладбище — все это должно было спланировать секту, но в условиях падения религиозности и разваливающейся системы подавлявшийся долгое время индивидуализм вырвался наружу, разрушая сектантское братство.

Однако духоборцы, даже растеряв знания о своем вероучении и утратив истинную веру, продолжали сохранять наиболее знаковые элементы похоронного обряда, в том числе камни, которые дожили до конца XX в. и перешагнули в XXI в. На протяжении более чем столетия в Богдановском (ныне Ниноцминдском) районе Грузии после похорон они клали в изголовье могилы камень с инициалами, в Дманисском районе — без инициалов, через год устанавливая памятник. Последние годы памятник стараются поставить через шесть недель, но камень обязательно остается сзади или рядом с ним. Параллельно продолжали существовать могилы, отмеченные только камнем — с инициалами или без: «Соб.: Вы знаете, где на кладбище ваша бабушка похоронена?» *Там камушек и одни буквы: К. (Калмыкова) и имя А. Мать умерла и просила не обкладывать камнем. Это хороших людей обкладывали камнями. До шести недель не обкладывают ничем, даже дерном. Брат потом дерн нарезал и обложил. Даже раньше до года не обкладывали, а сейчас после шести недель. Камень раньше ставили, как хоронят. Дед своему отцу — сколько прошло времени — он нашел камень, выбил буквы и отнес, поставил. Матери камень поставили, когда схоронили, потом обложили и этот камень. Там С. А. И. — Смоородина Акулина Ивановна. Потом камень заменяют памятником — плитой. Камень остается, а его заслоняют плитой или его кладут буквами вниз на могилу»*

(Зап. от А. Е. Калмыковой, 1927 г. р. (урож. с. Гореловка, Богдановский р-н, Грузия), с. Архангельское, Чернский р-н, Тульская обл. Соб. С. А. Иникова. 2013 г.) [ПМА].

Эту традицию продолжают поддерживать и переселившиеся из Гореловки в 1989–1995 гг. в с. Архангельское Тульской области и в 2007–2008 гг. в с. Малый Снежеток Тамбовской области духоборцы, правда, за отсутствием подходящих камней и для ускорения изготовления они стали использовать пенобетон, цемент или металлические пластины, вырезая или рисуя краской инициалы⁶. Сам факт сохранения «камня» в похоронном обряде свидетельствует в пользу уже высказанного предположения, что он был не только указателем места, но и значимым для духоборцев символом христианства.

В советское время на памятниках редко указывалась вероисповедная принадлежность покойного. Обычно там стояли фамилия, имя, отчество и даты рождения и смерти. Духоборцы начали выезжать в Россию на учебу и работу в 1960-е гг. и особенно в 1970–1980-е, начали ездить к родственникам, еще в 1920-е гг. переселившимся на Украину и в Ростовскую область, перенимали некоторые понравившиеся элементы обрядов и, возвращаясь в свои селения, внедряли их в жизнь. В 1960–1970-е гг. среди закавказских духоборцев распространился обычай помещать на памятнике фотографию, и надгробия приобрели «лицо».

Духоборческие надгробия советского и постсоветского периода отмечены большим разнообразием форм и стилей. Традиционным духоборческим можно назвать каменное или цементное надгробие-плиту, по форме похожее на домик (прямоугольник, на нем треугольник вершиной кверху). Могилы с такими памятниками, обложенные дерном, напоминают хаты с земляными крышами, каких еще много в селениях. С 1930-х гг. все больше стало появляться надгробий, не вписывавшихся ни в какую традицию. В их внешнем виде было много случайного, никак не связанного с какой-либо религиозной или политической идеей: духоборец села Орловка (Богдановский район Грузии) попытался сделать своему

⁶ Эта традиция быстро исчезла у духоборцев, еще в 1921–1924 гг. переселившихся из Закавказья в Сальские степи (ныне Целинский р-н Ростовской обл.). Однако долгое время, до 1970-х гг., они делали классические духоборческие надгробия в виде «домика», но не из камня, которого в тех местах нет, а из досок. На нем вырезали фамилию, имя, отчество и даты жизни.

родственнику надгробие-бюст; другой из села Славянка (Кедабекский район Азербайджана) спустя более 30 лет решил увековечить память матери странной конструкцией, сваренной из железного лома. Буквально единичные памятники имеют советскую символику — пятиконечную звезду. Мода на надгробия приходила и от соседей-армян: «<Соб.: Когда такие пантеоны из туфа начали здесь делать?> Вот основатель этой моды (показал на памятник своему дяде, ум. в 1979 г. — Соб.). Это с Лениакана друзья-армяне первому сделали дяде, а на другой год умер брат, потом отец, и пошла эта ленинканская мода» (Зап. от П. Г. Кабатова, 1948 г. р., с. Калинино, Ниноцминдский р-н, Грузия. Соб. С. А. Иникова. 2014 г.) [ПМА]. В 1980-е гг. на духовборческих кладбищах начали устанавливать дорогие монументы из черного мрамора с гравированными портретами, и в разговоре нынешние потомки духовборцев, поставившие такие памятники своим родным, не преминут это отметить.

Часть надгробий до середины 1990-х гг. по-прежнему изготавливалась самими духовборцами. В Гореловке жил мастер, отливавший достаточно прочные и аккуратные надгробия из цемента, которые он подкрашивал краской. Памятники из камня в 1960-е гг. по большей части стали

заказывать армянам в районном центре Богдановка или в селе Аспара, но надписи на них выбивали духовборцы.

Все памятники на кладбищах переселенцев из Гореловки сделаны на заказ, и на некоторых можно заметить кресты и купола церквей. В настоящее время подавляющее большинство живущих в России духовборцев перешли в православие, но такие памятники иногда ставят и тем, кто не окрещен, поскольку ничего особенного в этом не видят: «<Соб.: На кладбище на памятнике вашей матери ее портрет на фоне церковных куполов. Она крещеная?> Нет. Ну, мы спросили. Там много было, но этот более приемлем. Многие именно с крестом, а это купола, и на куполах кресты. И мама читала псалом: “Крест на мне, крест во мне, крест передо мной. Сам Господь Бог со мной”. И она всегда говорила: “Это если ты почитаешь крест и Бога, и Иисуса Христа, мы все христиане, все почитаем Иисуса Христа”. Это (памятник с куполами. — Соб.) небольшой грех» (Зап. от М. И. Глуховой, 1963 г. р. (урож. с. Гореловка, Богдановский р-н, Грузия), с. Архангельское, Чернский р-н, Тульская обл. Соб. С. А. Иникова. 2013 г.) [ПМА]. В этих надгробиях отразился последний этап духовборческой истории — ассимиляция их русским православным населением.

Общий памятник на кладбище с. Тамбовка, Ниноцминдский р-н, Грузия. Фото С. А. Иниковой, 2014 г.

A joint monument at the Tambovka Village cemetery, Ninotsminda District, Georgia. Photo by S. A. Inikova, 2014

Памятник-бюст, 1939 г. Кладбище с. Орловка, Ниноцминдский р-н, Грузия. Фото С. А. Иниковой, 2014 г.

A grave bust, 1939, at the Orlovka Village cemetery, Ninotsminda District, Georgia. Photo by S. A. Inikova, 2014

Говоря о духоборческом надгробии, нельзя обойти молчанием некрополь вождей — «могилочки». Он расположен в поле между тремя селениями и обнесен по периметру каменной стеной. Как первоначально выглядели эти могилы, неизвестно. Первый памятник в виде каменного мавзолея был сооружен по заказу Лукерьи Калмыковой в 1884 г. над могилой ее мужа Петра Калмыкова. Его делали греки. О памятнике Петру Калмыкову современные духоборцы говорят: *«У него памятник черный. Это печаль всем духоборцам: кончился род, кончился святой род Калмыковых»* (Зап. от Т. М. Ослоповой, 1953 г. р., с. Гореловка, Ниноцминдский р-н, Грузия. Соб. С. А. Иникова. 2014 г.) [ПМА].

Под составленным из каменных плит монументом, по форме напоминающим дом без входа, находится обычная могила. На плите надпись: *«Вечная память и кончина именованному духоборцу Петру Иларионовичу Колмакову (1837–1864 г.)»*. Лукерья Калмыкова старалась увековечить память мужа и опереться на его религиозный авторитет. Видимо, в 1880-е гг. она поставила памятник на Хуторке, хозяином которого был Петр Калмыков. Надпись на нем близка к эпитафии: *«Вечная память именованного духоборца Петра Ларионовича Калмыкова благочестиваго хазяина сево хутору, пастроинава 18[63] гаду а в 1864 году кончился Божию волюю генваря 10 дня»*.

После смерти горячо любимой всеми духоборцами «родимой Лушечки», как ее называли, несколькими мастерами из разных духоборческих селений было создано красивое надгробие-мавзолей, обильно украшенное резьбой. В 1888 г. эти же мастера сделали аналогичные, но более скромные надгробия-мавзолеи из базальта еще над пятью могилами. А в начале 1890-х гг. еще два надгробия для родственников Лукерьи Калмыковой были сделаны греками [РО РГБ. Ф. 369. К. 39. Д. 15. Л. 35–37, 39]. Эти могилы считаются священным местом и очень почитаются духоборцами. Они приходят на «могилочки» в дни поминок вождей и ближайших членов их семей, а также на праздники и молятся, *выдаются* с могилами, т.е. кланяются и целуют надгробия.

Еще в 1980-е гг. старики говорили, что их деды переняли этот обычай почитания

могил своих руководителей от самой Лушечки, которая приходила на могилу мужа, молилась и целовала памятник. Постепенно к середине XX в. аналогичная по сути, но более скромная по форме традиция почитания распространилась на памятники, установленные на могилах рядовых духоборцев на сельских кладбищах.

Однако только «святые и праведные родители» были достойны памятников-монументов, а рядовым духоборцам было не положено иметь монументальные надгробия, которые расценивались как очень большая честь. И лишь один обыкновенный человек после смерти удостоился права получить такое же надгробие, но все-таки меньшего размера. Об этом повествует широко известный среди духоборцев Грузии поучительно-воспитательный нарратив, рисующий образ идеального сына, награжденного после смерти «родимой Лушечкой». Обычно его фамилия и место захоронения не называются, но в следующем рассказе наш информант указал на жителя села Орловка: *«А приказала так сделать Лукерья Васильевна за то, что он мать не выбросил свою. Мать пьяница была у няво. Он будет двоюродный дядя этой Калмаковой — Лазунин Данило. Поуличному Лазунин, а так Рыльков. Мать их пьяница была. Напѣется, он идѣть, ее в сапетку⁷ ложить и несеть домой пьяную. Обратился к Лушечке: “Вот такое дело: напивается, домой не может идти, нясу домой”. Она яму и говорит: “Ты свою мать, не чужую, ты несѣшь ее в сапетке. Тебе тоже будут дети так глядеть, будут носить в сапетке, не будут пинком”. И когда он помер, ему могилу такую Лукерья Васильевна приказала сделать, каменную. Его хоронить, на кладбище пришли ямку рыть, сразу слышуть пение. Поють. Только пришли могилу копать, уже пение. Вот они выбегают суды, на бугорок: это что же такое!? Только пришли копать, уже мертвеца несут, поють. Никоде нету. Ну, давай туда посыльных. Посыльных послали: там, дома, спокойно он ляжить. Все нормально. Посыльные приходят, отвернуться, начнуть копать — поють. Сани запрягли, в Сиротскую к Лушечке. Лушечка им говорит: “Копайте, продолжайте. Он заслужил это, потому что он свою мать в сапетке носил. Яво встречают»*».

⁷ Здесь: плетеная корзина с двумя ручками (местн.).

Вот она и приказала могилу оформить так, как... Он достойный этого. Эта могила каменная, вся с камня. Как зайдешь на кладбище с первых ворот, их видно» (Зап. от И. А. Сухорукова, 1948 г. р. (урож. с. Орловка, Богдановский р-н, Грузия), пос. Малый Снежеток, Первомайский р-н, Тамбовская обл. Соб. С. А. Иникова. 2014 г.) [ПМА].

Есть и другой вариант: за такое отношение к матери Лушечка обещала этому человеку «две царства: одна на небесах, одна на земле» (Зап. от Е. И. Блудовой, 1935 г. р., г. Дманиси, Грузия. Соб. С. А. Иникова. 2015 г.) [ПМА].

На кладбищах духоворческих селений в Ниноцминдском (бывш. Богдановском) районе Грузии действительно можно увидеть сравнительно небольшие сложенные из вытесанных камней мавзолеи, но все они поздние: 1960–1970-х гг. Духоборцы старшего поколения очень неодобрительно отзывались о родственниках покойных, стремившихся потешить собственное тщеславие и соорудивших такие памятники — «не по чести».

Секта духоворцев представляет яркий пример того, насколько мощным

культурообразующим фактором может выступать религия. Выйдя из среды православных носителей русской традиционной культуры, последователи духоворчества в соответствии со своим учением переосмыслили одни элементы культуры и отказались от других — тех, которые не вписались в рамки их новых доктрин. Представления духоворцев о надгробии за время их проживания в Закавказье постепенно изменялись, и от безликого камня как символа духоворческого погребения надгробие прошло путь до надмогильного мемориала, ставшего индивидуальным идентификационным знаком, лишенным какой-либо религиозной идеи. Такая трансформация представлений и практика их материального воплощения стали результатом секуляризации религиозного сознания духоворцев, забвения ими учения, индивидуализации изначально коллективистского по своей сути духоворческого сообщества. Однако потомки духоворцев, потеряв свое учение, сохраняют в начале XXI в., пусть даже в измененном виде, такой знаковый элемент духоворческого похоронного обряда, как камень в изголовье могилы.

Источники и материалы

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области.

Животная книга — Животная книга духоворцев / Сост. В. Д. Бонч-Бруевич. СПб., 1909.

Некоторые черты 1896 — Некоторые черты об обществе духоворцев // Русская старина. 1896. Август. С. 257–270.

Ольховский 1905 — *Ольховский В.* Обряды духоворцев // Живая старина. 1905. Вып. 3–4. С. 233–270.

ПМА — Полевые материалы автора.

РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки.

Исследования

Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

Иникова 2018 — *Иникова С. А.* Религиозно-догматическая составляющая в современном

похоронном обряде духоворцев с. Гореловка (Грузия) // Жизнь и научный путь этнографа: Матер. чтений памяти И. В. Власовой. М., 2018. С. 324–336.

Кремлёва 2009 — *Кремлёва И. А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские Рязанского края. Т. 2 / Отв. ред. С. А. Иникова. М., 2009. С. 167–215.

Левкиевская, Толстая 1999 — *Левкиевская Е. Е., Толстая С. М.* Камень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д — К / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 448–453.

Листова 2014 — *Листова Т. А.* Некоторые особенности похоронно-поминального обряда на русско-украинско-белорусском пограничье // Полевые исследования 2009–2010. М., 2014. С. 135–161.

© С. А. Иникова, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иникова С. А. <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (499) 243-19-72; e-mail: ovis2@yandex.ru

HEADSTONES OF THE TRANSCAUCASIAN DOUKHOBORS IN THE RELIGIOUS AND HISTORICAL CONTEXT

SVETLANA A. INIKOVA

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science: 32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation)

Summary. *The gravestone, being a materialized memory about the deceased person it marks, carries information about him/her and about the whole community to which the person belonged. In the sect of the Doukhobors, which is the subject of this article, gravestones directly reflect of its teaching and the changes that occurred in the community during the 170 years of its residence in Transcaucasia. The Doukhobors, followers of a doctrine about “the inner Church” who denied the worship of any material thing, believed in the resurrection of the spirit, not the flesh, and repudiated the veneration of graves and rejected material perpetuation of the memory of the dead. Secularization of religious consciousness, weakening of their doctrines, changes in the organizational and religious structure of the sect and economic stratification in the group — all of these have led to the transformation of these views and changes in the appearance of tombstones. Doukhobor gravestones have gone from rough stones, which were the religious symbol of burial and which lay near the head of the grave, to become monuments, devoid of religious content, that are subject to fashion and the ambition of the relatives of the deceased. This article is the first study of Doukhobor tombstones; it is based field materials, including a survey of Doukhobor cemeteries, collected by the author between 1988 and 2015 in Georgia and Azerbaijan.*

Key words: Doukhobors, religious teaching, funeral rite, gravestones.

Received: March 20, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Inikova S. A. Headstones of the Transcaucasian Doukhobors in the religious and historical context. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 113–122. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.009

References

Inikova S. A. (2018) Religiozno-dogmaticheskaya sostavlyayushchaya v sovremennom pokhoronnom obryade dukhobortsev s. Gorelovka (Gruziya) [The dogmatic religious component in the modern funeral ceremony of the Gorelovka Doukhobors (Georgia)]. In: Zhizn' i nauchnyy put' etnografa [The life and scientific path of the ethnographer]. Materials of readings devoted to I. V. Vlasova's memory. Moscow. Pp. 324–336. In Russian.

Kremlyova I. A. (2009) Pokhoronno-pominal'nye obychnye i obryady [Funeral and memorial customs and rites]. In: Russkie Ryazanskogo kraja [Russians of the Ryazan Region]. Vol. 2. Ed. by S. A. Inikova. Moscow. Pp. 167–215. In Russian.

Levkievskaya E. E., Tolstaya S. M. (1999) Kamen' [Stone] In: Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 448–453. In Russian.

Listova T. A. (2014) Nekotorye osobennosti pokhoronno-pominal'nogo obryada na rusko-ukrainsko-beloruskom pogranich'e [Some features of the funeral and memorial ceremony on the Russian-Ukrainian-Belarusian border]. In: Polevye issledovaniya 2009–2010 [Field research 2009–2010]. Moscow. Pp. 135–161. In Russian.

Zelenin D. K. (1991) Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic Ethnography]. Moscow. Pp. 105–226. In Russian.

© S. A. Inikova, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Inikova <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

E-mail: ovis2@yandex.ru

Tel.: +7 (499) 243-19-72

32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation

PhD in Historiy, Leading Researcher, Department of Ethnography of the Russian People,

N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)